УДК 343.14 https://www.npzhdialog.ru/20-2026

Пределы активности государственного обвинителя в исследовании доказательств

Бадаев Олег Алексеевич,
студент, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, badaev2309@bk.ru

Аннотация. Предметом статьи является проблема определения пределов активности государственного обвинителя при исследовании доказательств в стадии судебного следствия. Анализируется практика применения ч. 3 ст. 281 УПК РФ, регулирующей оглашение показаний свидетеля при наличии существенных противоречий между его показаниями, данными на досудебной стадии и в суде. Рассматриваются позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, а также взгляды исследователей на соотношение понятий «противоречие» и «пробел» в показаниях свидетеля. Обосновывается необходимость законодательного уточнения понятия «существенные противоречия» и ограничения объема оглашения. Методологическую основу составили формально-юридический метод и анализ судебной практики.

Ключевые слова: государственный обвинитель, исследование доказательств, оглашение показаний, существенные противоречия, принцип непосредственности.

В российском уголовном процессе правовой статус государственного обвинителя опирается на принцип разделения процессуальных функций (ст. 15 УПК РФ) [1; 2]: прокурор выполняет функцию обвинения и не уполномочен разрешать дело по существу. Порядок допроса подсудимого закреплен в ст. 275 УПК РФ, свидетеля — в ст. 278 УПК РФ [2], причем первоочередное право допроса принадлежит той стороне, по инициативе которой лицо было вызвано в заседание. Указанные нормы формируют основу состязательного исследования доказательств, однако они не задают четких границ для действий прокурора при обращении к протоколам допросов, составленным на стадии предварительного расследования. Проблема того, в какой мере прокурор может прибегать к оглашению ранее данных показаний — в особенности при расхождениях между тем, что свидетель говорил на следствии и в суде, — относится к числу наиболее острых в судебной практике.

Главной нормой, регулирующей оглашение показаний потерпевших и свидетелей, выступает ст. 281 УПК РФ [2]. Норма предусматривает три самостоятельных случая: оглашение по обоюдному согласию сторон при неявке лица (ч. 1); оглашение без согласия при наличии объективных препятствий — смерть, тяжелое заболевание, последствия стихийного бедствия, невозможность установить местонахождение (ч. 2); оглашение, если между прежними и судебными показаниями выявлены существенные противоречия (ч. 3) [2]. Первые две ситуации обычно не вызывают сложностей: обстоятельства, названные в ч. 2, носят фактический характер и не нуждаются в дополнительном толковании. Затруднения возникают применительно к третьей.

Законодатель не раскрывает, что именно следует понимать под «существенными противоречиями» [2]. В практической деятельности это приводит к следующему: прокурор, заявляя ходатайство об оглашении, зачитывает протокол допроса целиком — от первой до последней страницы, даже если противоречие сводится к одному высказыванию. Объем оглашаемого материала при этом ничем не лимитирован. Суды, как правило, удовлетворяют такие ходатайства, ссылаясь на необходимость «всестороннего исследования обстоятельств дела» (ст. 240 УПК РФ) [2]. Однако значительная доля оглашаемого текста к противоречию отношения не имеет и фактически подменяет перекрестный допрос, который сторона защиты могла бы провести, располагай она возможностью допросить свидетеля в судебном заседании.

А. Г. Ибрагимов в работе, опубликованной в журнале «Евразийская адвокатура» (2026, N 1), провел разграничение между понятиями «противоречие» и «пробел» [6]. По его трактовке, противоречие возникает, когда свидетель в суде и на следствии сообщает несовместимые сведения, и для их сравнения требуется обращение к протоколу. Пробел же представляет собой ситуацию, при которой свидетель в судебном заседании что-то не уточнил или не вспомнил, и устранение этого пробела достигается путем постановки вопросов, а не чтения протокола. На практике прокуроры нередко выдают пробел за противоречие и на этом основании зачитывают протокол в полном объеме. Ибрагимов обращает внимание на то, что даже при действительном наличии противоречий протокол оглашается целиком и охватывает не только спорный эпизод, но и все прочие показания, которые выгодны обвинению. По его мнению, оглашению подлежит лишь та часть показаний, которая непосредственно связана с противоречием [6].

Ф. Н. Багаутдинов в статье «Актуальные вопросы оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей» занял более прагматичную позицию [5]. Он исходит из того, что полный запрет на оглашение неосуществим, и предлагает три условия, подлежащих проверке судом перед разрешением оглашения: наличие объективной причины неявки свидетеля, принятие судом всех доступных мер по его вызову и приводу, а также наличие у стороны защиты возможности задать вопросы данному свидетелю на стадии предварительного следствия [5]. Эти условия согласуются с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации [3].

Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 28 февраля 2019 г. N 513-О указал, что ст. 281 УПК РФ [2] не допускает расширительного истолкования перечня оснований для оглашения показаний неявившихся свидетелей [3]. Оглашение признается исключительной мерой и возможно только при условии, что обвиняемому была обеспечена возможность оспорить эти показания на досудебной стадии, а сторона обвинения приняла все возможные меры для обеспечения явки свидетеля [3]. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации не конкретизировал, что означает «исчерпывающие меры» и каким образом суду следует оценивать, была ли в действительности предоставлена возможность оспорить показания.

Показательно в этом отношении дело N 45-УД26-16-А2, рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (кассационное определение от 10 июня 2026 г.) [8]. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайство государственного обвинителя об оглашении показаний потерпевшей О. на основании ч. 6 ст. 281 УПК РФ [2] — нормы, допускающей оглашение при наличии сведений о том, что участие лица в заседании может оказать негативное воздействие на его психическое состояние. Сторона защиты заявляла возражения, однако суд счел имеющиеся данные достаточными. Верховный Суд Российской Федерации приговор оставил без изменения, указав, что суд обоснованно применил ч. 6 ст. 281 УПК РФ [2], поскольку имелось заключение специалиста о психическом состоянии потерпевшей, а выявленные противоречия в ее показаниях были устранены [8]. Это дело отражает тенденцию: появление новых оснований для оглашения (ч. 6 ст. 281 УПК РФ) [2] расширяет сферу его применения, в то время как арсенал средств защиты не пополняется.

Параллельно в законодательном процессе поднимался вопрос о процессуальной асимметрии между сторонами при оглашении. Законопроект N 346518-8, внесенный в Государственную Думу в апреле 2023 г. [9], содержал предложение дополнить ч. 1 ст. 281 УПК РФ [2] положением о том, что отказ стороны обвинения от оглашения показаний неявившегося свидетеля должен быть мотивированным. Если бы суд признал отказ необоснованным, оглашение могло бы быть произведено при согласии лишь стороны защиты. Законопроект был отклонен: профильный комитет Государственной Думы указал на его несоответствие принципу состязательности, поскольку обязанность мотивировать отказ предлагалось возложить только на сторону обвинения, но не на сторону защиты [9]. Тем не менее сам факт внесения данного законопроекта подтвердил, что правила оглашения по ст. 281 УПК РФ [2] создают неравенство процессуальных возможностей сторон.

Принцип непосредственности (ст. 240 УПК РФ) [2] означает, что суд обязан исследовать доказательства самостоятельно — заслушивать показания свидетелей в заседании, а не ограничиваться чтением протоколов. Как отмечает В. А. Лазарева, состязательность уголовного судопроизводства заключается не просто в равенстве прав сторон, но и в независимости суда от выводов обвинительной власти; приговор, в основе которого лежат оглашенные показания, подменяет живое судебное доказательство письменным материалом, полученным на следствии [7]. На практике реализация этого принципа наталкивается на объективные препятствия: суды работают в условиях жестких процессуальных сроков, явка свидетелей нередко остается низкой, и оглашение превращается в повседневный инструмент, а не в исключение из правила.

Проведенный анализ дает основания для двух предложений по внесению изменений в ч. 3 ст. 281 УПК РФ [2]. Первое: термин «существенные противоречия» нуждается в более точном законодательном раскрытии. Как минимум сторона, заявляющая ходатайство об оглашении, должна указать конкретные фрагменты показаний, в которых усматривает противоречия, а суд — удостовериться в их наличии и отразить это в протоколе судебного заседания. Второе: объем оглашения должен быть ограничен той частью показаний, которая непосредственно затрагивает противоречие. Остальные фрагменты протокола допроса при оглашении доказательственного значения не приобретают. Данные предложения не предполагают перестройки института — они переносят в текст закона логику, уже выраженную в решениях Конституционного Суда Российской Федерации [3] и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [4].

Вместе с тем законодательное уточнение — необходимое, но не достаточное условие. При сложившейся практике суды зачастую удовлетворяют ходатайства об оглашении формально, не вникая в содержание противоречий и не ограничивая объем читаемого материала. Пределы активности государственного обвинителя при исследовании доказательств обусловлены не только текстом ст. 281 УПК РФ [2], но и готовностью суда осуществлять контроль за этим процессом — устанавливать реальность противоречий, ограничивать объем оглашения и обеспечивать стороне защиты возможность оспорить оглашенные показания. При отсутствии активной судебной позиции любые законодательные ограничения остаются лишь на бумаге.

Примечания

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 09.10.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2019 N 513-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пятакова Н. Н.» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 N 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 2.

5. Багаутдинов Ф. Н. Актуальные вопросы оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 3.

6. Ибрагимов А. Г. Некоторые особенности оглашения показаний потерпевшего и свидетеля со стороны обвинения // Евразийская адвокатура. 2026. N 1.

7. Лазарева В. А. Защита прав личности в уголовном процессе. М., 2019.

8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2026 по делу N 45-УД26-16-А2. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 09.10.2026).

9. Законопроект N 346518-8 «О внесении изменения в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/346518-8 (дата обращения: 09.10.2026).

English version

Limits of the public prosecutor’s activity in the examination of evidence

Badaev Oleg Alekseevich, student, East Siberian branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

The article examines the problem of determining the limits of the public prosecutor’s activity in the examination of evidence at the stage of judicial investigation. The practice of applying Part 3 of Article 281 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which regulates the reading of a witness’s testimony in the presence of significant contradictions between his testimony given at the pre-trial stage and in court, is analyzed. The positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the views of researchers on the relationship between the concepts of “contradiction” and “gap” in witness testimony, are considered. The necessity of legislative clarification of the concept of “significant contradictions” and of limiting the scope of reading is substantiated. The methodological basis was formed by the formal legal method and the analysis of judicial practice.

Keywords: public prosecutor, examination of evidence, reading of testimony, significant contradictions, principle of immediacy.